

Глава X

НОВГОРОД В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Присоединение Новгорода к Москве не сопровождалось стремлением к разрушению его культурных ценностей. Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же, как и представители демократической московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города. Признание значительности одного из старейших русских городов постоянно ощущается в отношениях Москвы к Новгороду. Москва широко использовала новгородские летописи и исключительные книжные богатства Новгорода, приглашала к себе новгородских иконников и строителей, подчеркивала славу и величие Великого Новгорода, исконную зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь в «последних летех». Постепенно Москва обстраивала новыми стенами новгородский Детинец, возвратила в Новгород софийскую казну, увезенную было Иваном III, перепланировала город, расширяя улицы, упорядочила городскую жизнь.

* * *

С конца XV — начала XVI в. строительство в Новгороде в основном переходит в руки московских купцов, переселенных в Новгород Иваном III.

Крупные новгородские купцы — москвичи по происхождению — заказывают постройку церквей новгородским артелям каменщиков. Противоречия между московскими вкусами заказчиков и новгородскими строительными традициями не могли не сказаться в новгородских постройках этой поры. Крупнейшими строителями Новгорода в XVI в. были «московские гости» Сырковы и Таракановы, вновь поставившие Мироносицкую церковь (1510 г.) на Ярославовом Дворище, церковь Климента (1520 г.), Параскевы Пятницы на Торговище (1524 г.), Прокопия (1529 г.) и др.

Наивное применение московских строительных приемов в сочетании со старыми типами новгородской архитектуры XII в. представляет собой церковь Бориса и Глеба (1536 г.) на Торговой стороне в Новгороде. Московское пятиглавие этой церкви (очевидно, заказанное строителям и, кстати сказать, неумело примененное) совпало с пятиглавием новгородских церк-

вей XI—XII вв. и дало возможность строителям обратиться к попыткам возрождения древнего позакомарного (посводного) покрытия (впрочем, вместо волнистой кровли строители покрыли закомары мелкими фронтонами, придавшими постройке наивный и незаконченный вид).

Но не только московские купцы строят в Новгороде. В 1515 г. отец Ивана IV Грозного — Василий III построил в Хутыньском монастыре недалеко от Новгорода Преображенский собор, поражающий своими торжественными и монументальными формами, характерными для московской архитектуры начала XVI в.

Новгородское зодчество, включенное в общий процесс развития русской архитектуры, продолжает свое движение вперед. Значительно увеличивается количество построек и их размеры.

* * *

Во второй четверти XVI в. в Новгороде наблюдается возрождение организованной работы над летописанием. В 1533 г., при ближайшем участии новгородского архиепископа Макария — будущего сподвижника ряда культурных предприятий Грозного, — была составлена новая редакция хронографа (всемирной истории), а в 1539 г. — новый летописный свод.

Среди летописных известий начала XVI в. особенный интерес имеет рассказ о попытке «некоего хитреца» псковича перегородить Волхов плотью и поставить на нем мельницу.

Пскович поставил на Волхове «срубы великии», которые топил затем на дно Волхова, «чтобы ему отнять часть у Волхова». Между срубам пскович сделал ограду, поставил колесо и жернов, «и камень начал вертеться».

Триста рек «великих и малых» впадают в Ильмень, а «то озеро током единым темь Волховом сквозе весь Великий Новгород и входит во озеро Ладожское, он же хотя на той реце таковую вещь зделати!» — восклицает летописец и затем рассказывает, как весной разливом вод и внесенным в Волхов льдом разнесло плотину, а сам строитель принужден был бежать от недовольных новгородцев «страха ради».

Возрожденная при Макарии летописная деятельность владычного двора тесно связана с другим литературным предприятием, выполнявшимся собранным Макарием кружком книжников: Великими Макарьевскими четьями минеями. Задача, которую ставил себе Макарий при составлении этих миней, грандиозна. Макарий объединил в них все жития местных русских святых и многие другие литературные произведения. Это было идейным собранием русской церкви, подобно тому политическому объединению Руси, которое незадолго до этого было осуществлено московскими великими князьями.

При архиепископе Макарии в 1537 г. было придано окончательное московское оформление житию Михаила Клопского. Архиепископ Макарий был озабочен переработкой жития Михаила Клопского по целому ряду причин. По преданию, Михаил был в каком-то свойстве с московскими князьями. «Чудеса» первых двух редакций говорили о вражде Михаила с новгород-

скими посадниками и архиепископами. Михаил предсказывал поражение новгородцев москвичами, был противником приглашения литовского князя Михаила Олельковича и т. д. Все это делало его житие удобным объектом новой переработки всецело в московском духе. Москва получала себе, таким образом, союзника в лице одного из наиболее почитаемых новгородских святых. Возвеличение памяти Михаила Клопского было важным политическим шагом, отмеченным даже в летописи.

Впервые в истории древнерусской книжности составление нового жития было поручено светскому лицу: московскому чиновнику, сыну боярскому и храброму воину, Василию Тучкову.

Тучков значительно усилил антиновгородские тенденции жития, ввел новый эпизод, в котором гибель Новгорода предсказывается Михаилом Клопским в самый день рождения Ивана III. В уста Михаилу вложены резкие осуждения и поношения новгородцев: «почто, безумнии, яко пьяни мятетеся? Аще не утолите гнева доброчестивого царя Ивана Васильевича, то многи беды примите; пришед бо за неисpravление ваше, станет в берегах и многу победу покажет» и т. д.

Уже в XVI в., после включения Новгорода в состав единого Московского государства, новгородцев продолжал тревожить страх за судьбу своего города. Покаянные настроения остаются в литературе и после того, как угроза конца мира в 1492 г. не оправдалась. Но вместе с тем легенды о конце Новгорода приобретают в XVI в. иной характер. Политическая острота темы снижается, и литература обращается к бытовым тревогам, как это было в XII в.

В 1508 г. грозные стихийные бедствия опустошили Новгород значительно сильнее, чем походы Ивана III. Три осени сряду умирали в Новгороде люди «железою» — повальной болезнью. В осень 1508 г. умерло 15 396 душ. Затем в том же году в страшном пожаре выгорела вся Торговая сторона; осталась лишь малая часть городской стены. От жары кальцинировались и расседались известняковые плиты, входившие как строительный материал в новгородские постройки. Пожар раздувался великим ветром. Вихрь гнал на Волхове суда к пылавшей части города и топил их. Люди пытались спастись в больших садах, но огонь достигал их и там. После пожара нашли 2314 трупов (по другой версии 5314), а число сгоревших в пепел один «бог весть». «Николі же в Новгороде таково пожара не бысть».

События 1508 г. послужили поводом для составления повести, задним числом предсказывавшей Новгороду «наказание за грехи».

Пономарь Тарасий был однажды ночью в церкви Преображения Хутынского монастыря. Внезапно Тарасий увидел, как зажглись свечи и возгорелись кадилаицы и церковь наполнилась благоуханием фимиама и ливана. «И зрит понамарь зрящими очима, не во сне, но на яве» — вышел из гроба чудотворец Варлаам и начал молиться со слезами и с великим умилением. Варлаам молился три часа, а затем послал Тарасия на кровлю собора.

С кровли собора Тарасий увидел, что Ильмень-озеро поднялось над Новгородом и готово его затопить. Когда Тарасий в ужасе спустился вниз,

Варлаам объяснил ему: «Господь бог хочет езером Илмером потопити Великий Новгород, за умножение грехов людских всенародного множества и за беззаконие и неправды их».

Снова Варлаам молился три часа богу и снова послал Тарасия наверх. Во второй раз Тарасий увидел множество ангелов, стреляющих огненными стрелами в народ — на мужи, и на жены, и на дети. Перед каждым человеком стоял ангел-хранитель, держа книги и читая в них божие повеление, и тех, кого находил в этих книгах живыми, мазал миром кистию из сосуда, а тех, кому написано было умереть, оставлял без помазания.

В третий раз взошел Тарасий на церковный верх и увидел над городом огненную тучу. Варлаам объяснил Тарасию, что он умолил богородицу от первого наказания — потопа, но Новгород поразят мор и пожар.

Несмотря на обилие общих мест и мистическую окраску, повесть включает, однако, несколько конкретных моментов, делающих ее типично новгородским произведением.

В «Повести о видении пономаря Тарасия» прежде всего поражают своею яркостью и выразительностью зрительные образы: озеро, «воздвигавшееся на высоту, хотя потопити Великий Новъград», огненная туча над городом и т. д.

Эти зрительные образы получили многочисленные отклики в новгородской живописи XVI—XVII вв. Обилие зрительных элементов составляет характерную черту новгородских повестей и легенд: не случайно большинство из них связано с иконами, фресками и архитектурными сооружениями.

Конкретность и зрительность отдельных мотивов «Повести о видении пономаря Тарасия» позволяют уточнить ее датировку. Хутынский монастырь был построен неподалеку от Новгорода на небольшом холме, резко контрастирующем с окружающей Новгород равниной. В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город расстилался на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды. Упоминание в повести «первого строения церкви каменного Спаса» окончательно подтверждает, что повесть была составлена вскоре же после постройки второго Преображенского собора в Хутыне, то есть после 1515 г.

Сепаратистские настроения в новгородской литературе XVI в. не имеют уже прежнего значения. Политические устремления новгородцев сменяются чисто церковными, но при этом литература редко возвеличивает новгородскую церковь в целом, во главе которой стоял архиепископ москвич, а занимается прославлением местных святых и монастырей: Тихвинского, Хутынского, Антонова и др.

Притязания новгородской церкви на особое место среди православных епархий решительнее всего звучат лишь в известной «Повести о новгородском белом клобуке».

Повесть рассказывает о том, как новгородский архиепископ Василий Калика получил от константинопольского патриарха символ особой благодати — белый клобук. Белый клобук был подарен папе Сильвестру римским императором Константином Великим. Константин сделал этот клобук римскому папе по повелению явившихся ему во сне апостолов Петра и Павла как символ духовной власти, равный царскому венцу. С отпадением Рима от православия белый клобук папе было повелено свыше отправить в Константинополь. Однако ангел явился константинопольскому патриарху и велел переслать клобук в русскую землю в Великий Новгород: «тамо бо ныне воистину славима есть Христова вера». Повести предпослано небольшое предисловие в форме письма Дмитрия Толмача новгородскому архиепископу Геннадию. Дмитрий пишет, как он разыскал по приказанию Геннадия в Риме «Повесть о белом клобуке», которую римляне «срама ради таятся велми».

Яркая личность Дмитрия Герасимова Толмача, от лица которого ведется предисловие «Повести о белом клобуке», позволяет нам представить облик образованного новгородца. Дмитрий получил образование в Ливонии под руководством псковича Мисюря Мунехина, был переводчиком Посольского двора, посланником при дворах шведском, датском, прусском, венском и римском. Павел Иовий хвалит ум Дмитрия и приятность его в обхождении. Дмитрий неоднократно выполнял различные книжные поручения Геннадия и известен рядом посланий.

К сюжету «Повести о белом клобуке» тесно примыкает и житие новгородского святого Антония Римлянина, сохранившееся, впрочем, только в поздней обработке (конца XVI в.), но корнями своими входящее глубоко в древность. Житие Антония также трактует общую и для «Повести о белом клобуке» тему о переходе святынь из Рима в Новгород. Житие рассказывает, как после отпадения Рима от православия монахи, оставшиеся верными «истиной вере», принуждены были скрываться от гонений в пустынях. Среди них был и Антоний, избравший местом своего подвижничества скалу на берегу моря. В бурю, когда Антоний молился на камне, волна внезапно подняла камень и понесла его «ябо бы на карабли легце». Камень принес Антония из «теплого моря» в реку Неву, из Невы в «Нево езеро» (Ладожское), а затем понес его вверх по реке Волхову «против быстрин неизреченных» и остановился на правом берегу вблизи Новгорода, как только «начаша во граде звонити к заутреннему пению».

Житие описывает недоумение Антония, попавшего в неизвестную ему страну, вопросы собравшихся любопытных, на которые Антоний не мог отвечать, не зная русского языка, и т. д. Святой узнает о том, куда он попал, от купца «иже умеаше римским и греческим и русским языком».

Из дальнейших эпизодов жития наибольший интерес представляет ссора Антония с рыбаками, которых Антоний нанял выгнать тоню. Суд с этими рыбаками «градъцких судий», аргументация рыбаков, требовавших

отдать им выловленную бочку с драгоценностями, так как «мы наяхомся (нанялись) у тебе рыбы ловить, а бочка наша есть», описаны с чертами реальности. Антонию удалось склонить на свою сторону судей, лишь рассказав им историю бочки («делвы»), приплывшей вслед за ним из Италии. В бочке, выловленной рыбаками, были золотые, серебряные и хрустальные церковные сосуды, потиры и блюда, которые были брошены Антонием в Италии в море, чтобы они «не осквернились от богомерзких еретик».

Таким образом, и в житии Антония вновь встречается популярный в новгородской литературе мотив «самочинного» передвижения вверх по течению Волхова. Быстрое течение Волхова, чрезвычайно затруднявшее доступ в Новгород со стороны моря, не раз, очевидно, заставляло задумываться новгородцев над возможностью «самочинного» передвижения вверх по реке как о высшем «чуде».

Волхов — широкая и полноводная река, на которой расположен Новгород, — постоянно действует в литературных произведениях Новгорода.

Атмосфера большого портового города, одного из самых больших в Европе (превышавшего тогдашний Лондон), питала собою новгородские ереси, умственное движение и отразилась в обильном проникновении западной культуры, в пестроте всей новгородской культурной жизни.